

5 ДЕК 1959
Газета №

ДЕКАДА БУРЯТСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Певец с реки Баргузин

ПЛОТЫ идут по Баргузину. Быстрая, своевольная река легко несет огромные связки бревен. Вот и Курумканская излучина. С берега, от околицы бурятского села Курумкан плотовщиков вдруг окликает тоненький мальчишеский голосок:

— Эгей, люди речные, слушайте песенку мою.

Высоко-высоко, кажется, к самым вершинам Баргузинского хребта стремится ясный, звонкий алт юного певца. Проста его песня: про горы, реки и долины родной Бурятии, про жаворонка, что никак не налюбуется милыми сердцу местами...

— Спасибо за концерт, жаворонок, выходи каждый раз нас встречать! — кричат плотовщики, а мальчик еще долго поет им вслед.

На всю Бурятию истари славится Баргузинская долина своими басами и баритонами. Любят песни в том краю. И не было для односельчан большего удовольствия, чем послушать вечером на речном берегу бурятские и русские песни юного Бадмы Балдакова. Так и звали его с малолетства — «жаворонок».

...Шли годы. Бадма кончил семилетку, и встал перед ним такой простой и такой трудный вопрос: кем быть? Всего двадцать лет назад, в 1915, к примеру, году, простые буряты и не думали об этом. Жестокая и темная, как внезапные сумерки над рекой Баргузин, жизнь загоняла их в батраки к тайши — местным князькам. Теперь иное. Отец работает в колхозе, дядя стал педагогом, директором средней школы здесь же, в Курумкане. Пришли в родное село тракторы, построен новый клуб, появилось радио. Не хочется покидать родные места. Разве не заманчиво стать плотовщиком или выдучиться на тракториста? Но вся семья, все односельчане как сговорились:

— Езжай, парень, в Улан-Удэ, поступай в музыкальное училище.

Особенно запали в сердце слова отца и дяди:

— У тебя талант, Бадма. Однако дар природный, что драгоценный камень: чем больше его шлифуешь, тем ярче он сверкает. Езжай в нашу столицу, учись музыке по настоящему.

...Бегут года. Улан-Удэ, музыкальное училище, комсомол.

Владивосток, морская служба и в свободное время упорный труд над классическим репертуаром: арий мельника из «Русалки», Мефистофеля из «Фауста», князя Гремина из «Евгения Онегина».

...1940 год. Москва. Первая декада бурятского искусства. Бадма Мелентьевич Балдаков растроган аплодисментами москвичей, ошеломлен собственным успехом в партиях из первых бурятских опер «Энхэ Булат-Батор» и «Баир». Труд, упорный, привычный, при-

нес овации, цветы. Так значит, снова надо работать, ведь столько еще хочется спеть!

...1943 год. Фронт, брянские леса. С импровизированных подмостков льется бархатистый бас. Под аккомпанемент далекой артиллерийской канонады заслуженный артист Бурятии Б. М. Балдаков поет воинам о любви к Отчизне, о священной ненависти к тем, кто посягает на наше счастье.

...1946 год. Москва, консерватория, вновь учеба. Опытный педагог Н. И. Сперанский бережно шлифует талант бурятского певца. И Бадма Мелентьевич, забыв о своем звании, весь — внимание. Он самый прилежный в классе ученик. Консерватория помогает ему повысить культуру пения, обогатить свой репертуар партиями из русской и западной классики.

Слава бурятского певца давно уже шагнула за пределы его республики. Ему рукоплескали Киев и Ленинград, Рига и Тбилиси, Сталинград и Свердловск. А совсем недавно из Соединенных Штатов Америки пришло на советское радио письмо, в котором американские любители пения просят передать концерт певца Балдакова.

...Мы беседуем с Бадмой Мелентьевичем в гостинице «Москва». Из окна — широкий вид на нашу столицу.

— Не устаю любоваться Москвой, — говорит певец, — вот сегодня пою партию Ивана Дубова в опере «Побратимы», а после наверняка еще поброжу по московским улицам, проспектам.

И вдруг проникновенно добавляет:

— Побратимы — какое слово хорошее! Если бы вы знали, как мы, буряты, благодарны вам, русским братьям, принесшим нам счастье, раскрывшим таланты наши.

Б. М. Балдаков.

Н. ЕФРЕМОВ.